

У истоков современного гуманизма
К 100-летию книги Моисея Рубинштейна
«Идея личности как основа мировоззрения»

Балл Г.А. *доктор психологических наук, профессор, член-корр. АПН Украины, зав. лабораторией методологии и теории психологии Института психологии им. Г.С. Костюка АПН Украины*

Пусть наш мир пока ещё раздирается безобразными диссонансами во многих отношениях, так что понятие гармонии в применении к нему нам представляется злой иронией: мы говорим не о факте, а о долженствовании. Неужели мы уже так отяжелели, что не можем поднять глаз к идеалу?

М.М. Рубинштейн [12, с. 71]

Начну с краткой информации об авторе книги, упомянутой в подзаголовке статьи. Это, вне всякого сомнения, выдающийся (не скажу – «забытый», но явно недооценённый и, к сожалению, не известный даже многим профессионалам) российский философ, психолог и педагог Моисей Матвеевич Рубинштейн (1878 – 1953). Отсылая читателя к появившимся в последние годы публикациям о нём [5; 18], укажу лишь важнейшие вехи его жизни и деятельности.

Будучи родом из купцов Иркутской губернии, он получил блестящее естественнонаучное и философское образование – сначала в Казанском, а затем в Берлинском и Фрейбургском университетах. В 1905 г. там же, в Германии, защитил докторскую диссертацию, удостоившуюся положительного отзыва Генриха Риккерта – одного из ведущих представителей неокантианской философии. Впоследствии преподаёт в университетах Германии, а, вернувшись в Россию, – в Московском университете. Плодотворно разрабатывает проблемы человековедения в их философских, психологических, педагогических аспектах. Книга, юбилей которой мы отмечаем, – это первая монография М.М. Рубинштейна. Из его вышедших впоследствии книг отмечу прежде всего «Очерк педагогической психологии в связи с общей педагогикой», изданный впервые в 1913 г. [12] и затем трижды переиздававшийся в дополненном виде. При всём том Моисей Матвеевич отнюдь не был кабинетным учёным. Он активно участвовал в мировоззренческих дискуссиях, в общественной жизни (в том числе в деятельности Московского психологического общества), создал при Москов-

ском университете студенческий научно-педагогический кружок. В 1915 г., когда, в связи с войной, стали то и дело поносить всё немецкое, он выступил в печати с острой публицистической статьёй «Винovat ли Кант?», где противопоставил немецкую классическую философию, как одно из высших достижений человеческой культуры, германскому милитаризму. А в хаосе гражданской войны он заботился – о чём бы вы думали? – о перспективах развития высшего образования в своём родном регионе. И это не были лишь обращённые в будущее мечтания. Заручившись поддержкой, – сколь парадоксально это ни выглядит, – и Совнаркома в Москве, и белого Сибирского правительства, он организовал открытие, осенью 1918 г., Иркутского университета и стал исполнять обязанности его ректора.

Вернувшись в 20-е годы в Москву, он, как и раньше, сочетал преподавание в вузах с исследованиями в области педагогики, а также возрастной и педагогической психологии. Результаты этих исследований он активно публиковал. Так, например, в 1926 г. вышли его работы «Психология и педагогика юности», «Социально-правовые представления и самоуправление у детей», «Половое воспитание с точки зрения интересов культуры». Одновременно М.М. Рубинштейн увлечённо продолжал разрабатывать философско-антропологическую проблематику. Впрочем, эти стороны деятельности были для него частями единого целого. Сам он писал об этом так: «Мои педагогические труды сделали для меня совершенно необходимой попытку подвести под мою педагогическую теорию философский фундамент и этим укрепить её... Я подчеркну здесь мысль Гербарта, что не только педагогика зависит от философии, но и правильно разрабатываемая педагогика должна привести к истинной философии» [14, с. 5].

В 1927 г. учёный публикует две поистине великолепные работы. Одна из них – книга «Проблема учителя» [13], богатая по своему – отнюдь не устаревшему и ныне – педагогическому и психологическому содержанию и вместе с тем содержащая смелые (как мы теперь вправе сформулировать – антитоталитарные) высказывания, как, например: «В стремлении современных государств исчерпать школу и учителя своими задачами и исключить возможность иного, надо видеть величайшую опасность не только для самой школы и народного образования, но и для всей культуры» [13, с. 99].

А теперь – о второй книге. Пользуясь едва ли не последней возможностью – на многие десятилетия вперёд – опубликовать в СССР не согласованный с официальной идеологией философский текст, он – с большими трудностями (одна часть книги вышла в Ленинграде, другая – в Москве) – издаёт фундаментальный труд «О смысле жизни» [14; 15] (к счастью, этот труд, вместе с рядом других работ М.М. Рубинштейна, переиздали в 2008 г. [17]).

В последующие годы М.М. Рубинштейн продолжал преподавать педагогику в московских вузах. По меркам сталинского времени, ему, можно сказать, повезло: в 30-е годы его не репрессировали (а вот одного из его сыновей рас-

стреляли как «врага народа»), а в 40-е, обвинив (как и его младшего современника и однофамильца Сергея Леонидовича Рубинштейна, – кстати, также философски воспитанного немецкими неокантианцами) в «безродном космополитизме» (неспроста: оба они читали в оригиналах и комментировали множество работ иностранных авторов, о которых чаще всего понятия не имели разоблачители «космополитизма»), – тем не менее не уволили с должности и даже не лишили возможности публиковаться. И Моисей Матвеевич по-прежнему трудился, внося посильный вклад в дело просвещения и при этом находил возможности – вопреки всеохватывающему идеологическому прессингу – пропагандировать воспитание самостоятельной личности. Так, в вышедшей в 1950 г. работе «Воспитание читательских интересов у школьников» (как всегда у него, весьма содержательной) он критиковал библиотекарей, проявлявших «чрезмерную настойчивость», фактически навязывавших детям «рекомендуемые» книги. «Основная роль рекомендаций библиотекаря, – подчёркивал он, – служить *опорой*, направляющим фактором, предоставляя детям в итоге выбрать книгу самим» [16, с. 45].

Иными словами, он по-прежнему утверждал идею, обозначенную в названии его собственной книги, изданной сорока годами ранее, в совершенно иной обстановке. Напомню это название – «Идея личности как основа мировоззрения». Правда, часть тиража книги вышла под другим названием – «Социализм и индивидуализм» [11], причём именно ему автор отдавал предпочтение, объясняя использование поначалу первого варианта заглавия цензурными препятствиями.

Здесь необходимы некоторые пояснения. М.М. Рубинштейн был сторонником социализма. Но какого? Воспользовавшись термином, который приобрёл популярность через 60 лет после выхода в свет упомянутой книги, можно сказать: социализма с человеческим лицом. Социалистов начала XX века он критиковал за то, что, увлекаясь разоблачением капитализма и текущей политической борьбой, они мало занимались прогнозированием человеческих, психологических характеристик того общества, которое, по их убеждению, должно было прийти капитализму на смену. В этом контексте обращение автора к «идее личности» было вполне естественно.

Заслуживает внимания спор М.М. Рубинштейна с Н.А. Бердяевым. Последний (в книге «Новое религиозное сознание и общественность») предсказывал, что социализм будет основан «на принудительной организованности», а социалистическое государство – «на абсолютно неограниченном характере коллективной общественной воли». Как мы знаем, Бердяев ошибся разве что в том, что в «реальном социализме» XX века «абсолютно неограниченной» стала не «коллективная воля». В своей же книге М.М. Рубинштейн, процитировав приведённые выше слова Бердяева, отвечал на них репликой: «Если бы это было так, то это означало бы полную гибель ценной личности, а вместе с тем и

самого социализма...» [11, с. 75]. Во многом оправдался и этот печальный прогноз – хотя гибель, к счастью, оказалась не полной.

Эта полемика по поводу социализма – при всей своей поучительности и при том чувстве щемящей горечи, которое оставляет её сопоставление с событиями последующего столетия, – представляет ныне, главным образом, исторический интерес. Однако замечу: идея М.М. Рубинштейна о том, что в социалистическом обществе – как он видел его – экономическая жизнь будет строиться по законам культуры, а не царящего при капитализме хаоса (добавлю, с учётом процитированного выше спора, что и не по законам казармы), по-моему, заслуживает внимания и в наши дни. Приведу также тезис автора книги, связывающий главные понятия, фигурирующие в двух вариантах её названия: «...развитием своих основных принципов в цельное мировоззрение, в центре которого будет стоять в качестве пробного камня идея культурно-творческой, индивидуальной, ценной личности, – социализм завоюет себе теоретическое право апеллировать к лучшему, что есть в человеке...» [9, с. 110].

Очерченный взгляд на социализм М.М. Рубинштейн продолжал отстаивать – пока для этого были хоть какие-то возможности – и в послереволюционное время. В предисловии к книге «Проблема учителя» он писал: «Точку зрения общечеловеческую я считаю неправильным противопоставлять социалистической; этой позиции я держусь в следующем смысле: не знание и культура оправдываются тем, что они совпадают с пролетарским, социалистическим движением, а пролетарское, социалистическое движение оправдывается тем, что оно в основных чертах совпадает с общечеловеческим интересом и может взять на себя представительство истинной культуры и науки, если оно правильно поймёт себя» [13, с. 4].

Впрочем, обратимся к идеям М.М. Рубинштейна собственно по проблеме личности, обосновываемым, в частности, в книге [11]. Эти идеи – я уверен в этом – сегодня не менее актуальны, чем сто лет назад. Мы бьёмся над концептуальными основами интегративно-личностного подхода в психологии [2; 4], пытаюсь учесть в категории личности и её сущностную связь с культурой (включая творческие аспекты последней), и одновременно – крайнюю затруднительность (если не сказать – невозможность [7]) обозначить тот рубеж в онтогенезе человеческого индивида, ниже которого говорить о личности бессмысленно. И вот тридцатилетний философ Моисей Рубинштейн, словно палочку-выручалочку, посылает нам из далёкого 1909 года гениальную в своей простоте формулировку: «Мы определили личность как индивидуальную культурно-творческую силу или как возможность её» [11, с. 34].

Комментируя эту формулировку, обратим внимание, *во-первых*, на использование категории *возможности*, которой М.М. Рубинштейн придавал важнейшее значение. «...Индивид сам с культурно-творческой точки зрения представляет для нас ценность и как *возможность* большего, чем он есть в данное время, и как действительная единица, занимающая в творчестве своё,

только ей одной присущее индивидуальное место, – как бы мала ни была её значимость в общем целом. И, наконец, человек нам дорог как возможность порождения новых культурно-творческих индивидуальных личностей, как возможный источник обогащения человеческой физической и духовной мощи, и если данный индивид сам представляется нам ничтожным, то это далеко ещё не значит, что в известном сочетании с другими индивидами он не породит крупной культурно-творческой силы» [11, с. 40-41]. Значимость этих положений для гуманистически ориентированных психологии и педагогики, их созвучие с современными разработками в данном направлении, на мой взгляд, очевидны.

Во-вторых, в воспроизведённой выше формулировке отражена характеристика личности как индивидуального воплощения культуры (или – см. выше – возможности такого воплощения). Представление об указанном воплощении мы черпали из трудов Л.С. Выготского, Э.В. Ильенкова; имея в виду творческие аспекты культуры – из трудов В.С. Библера. И мы благодарны этим глубоким и оригинальным мыслителям. Но вот что писал М.М. Рубинштейн сто или почти сто лет назад: «... культура и личность оказываются двумя понятиями, немислимыми друг без друга» [12, с. 66]. И ещё: «...культура есть продукт всех индивидуальностей, их коллективное благо. Его (отдельного человека. – Г.Б.) продукт и он сам и духовно, и физически представляют эту культуру, т. е. творя её, он творит самого себя, потому что культурные продукты живы только *через* личность и *в* личности...» [11, с. 42-43]. И ещё: «Культура обогащается индивидуальностями. Чем индивидуальнее творческая сила и её продукт, тем богаче, хотя бы сначала и потенциально, культура» [11, с. 37].

Слова «и физически» в одной из приведённых цитат не случайны. Последовательно подчёркивая культурное содержание личности и личностные механизмы созидания культуры, М.М. Рубинштейн не допускал ни пренебрежения к физической природе (будь то окружающей человека или воплощённой в его теле), ни её неоправданного противопоставления психике и культуре. «...Личность в нашем понимании, – писал он, – получается только в сфере и связи со *всей* объективной широтой естественной и социально-культурной среды» [15, с. 30]. И ещё: «Тело наше не ничтожный комок, к которому оказывается прикованным моё “я”, а наоборот: оно является бесконечно богатым связующим началом со всем внешним и внутренним миром, со всей полнотой конкретного мира...» [15, с. 24]. Разве эти слова не предвосхищают современное (реализованное, в частности, рядом психотерапевтических школ) понимание телесности?

Конкретизируя обсуждаемые положения, М.М. Рубинштейн разъяснял: «Подчёркивая “я” как живую полноту, мы этим не устраним вопроса о центре тяжести этого “я”. Он может перемещаться и действительно перемещается, как это и должно быть в живом и конкретном» [15, с. 31]. С учётом сказанного, «чем мы культурнее, тем выше мы ценим одухотворённую, разносторонне развитую личность, хотя бы она была физически слаба» [11, с. 82]. Но при этом,

оговаривался учёный, «мы далеки от мысли исключить физическое из области ценностей» [там же]; «тело и дух должны слиться в гармоничное целое, чтобы являть *собой* ценность и быть *творцом* ценностей» [15, с. 36]. И ещё: «Сила, физическая развитость – безусловное огромное благо, но только когда она находится на службе у духа» [12, с. 78].

«Чем цельнее, гармоничнее личность, – писал М.М. Рубинштейн, – тем лучше, красивее её проявления, её жизнь. Эта жизнь должна быть во всём цельна и гармонична...» [11, с. 113]. С этих позиций учёный отвергал распространённые среди социалистов начала XX века взгляды в защиту вульгарно трактуемой «свободной любви»: он усматривал в них противостоящее гармоничности личности её «убийственное анатомирование» [там же]. Подлинно свободную любовь он видел «не в произволе испорченной природы, а в *свободных*, цельных, гармоничных, не поворачивающихся по первому дуновению ветерка как флюгер проявлениях жизни нового действительно культурного человека...» [11, с. 114-115]. «Этим, конечно, – уточнял М.М. Рубинштейн, – мы менее всего хотим сказать, что нужно стеснить свободу личности. Наоборот, она может и должна быть предоставлена в самой широкой степени. Общество может свести своё вмешательство в эту область до крайнего возможного минимума, ограничившись хотя бы необходимой защитой интересов детей и общественного здоровья. Но как *идеал*, *норму* мы должны рассматривать форму гармоничных и цельных отношений полов, где в любви будут гармонично сливаться все мотивы разнородных стремлений человеческой природы: *духа* и *тела*» [11, с. 116]. Не комментируя детально этих рассуждений, обращу внимание: во-первых, на методологическую и педагогическую значимость содержащегося в них чёткого разграничения правовых и этических регуляторов социального поведения; во-вторых, на то, что в указанных рассуждениях ярко отражено большое значение, которое Моисей Рубинштейн придавал категории *идеала* (я учёл это, выбирая эпиграф к данной статье). Не случайно он характеризовал педагогику как «теорию о пути к идеалу» [12, с. 86].

Вообще, с идеями М.М. Рубинштейна, касающимися культуры и её воплощения в личности, органично согласуются его взгляды на функции образования и педагога. Последний призван быть «представителем интересов не только данного времени»; он должен «не терять из виду тех итогов всех времён, которые объединены под общим названием культурных ценностей или просто культуры, включая сюда самого творца этой культуры, коллективного и индивидуального человека» [13, с. 14]. Соответственно, для педагога очень важна «черта увлечения ростом юного человека, перенесения своих личных интересов в способствование вырастанию чужой личности...» [13, с. 28]. При этом задачи школы и педагога не только в том, чтобы быть «хранителем и передатчиком накопленного человечеством богатства знаний и культурных приобретений»; «у них имеется и другая задача – открыть перспективы и возможности к дальнейшим завоеваниям, окрылить такие пробы уже на школьной скамье...» [13, с.

15]. М.М. Рубинштейн подчёркивал важность того, «чтобы индивид вырастал не только в направлении приспособления к действительности, но чтобы он был способен приспособлять её к себе в различных отношениях и углублять и творить её наново путём комбинирования и преобразования её в её частях. Таково отношение к технике, искусству, науке, общественным формам и т. д.» [13, с. 14]. Педагог помогает личностному росту своих подопечных благодаря наличию у него «любви к раскрывающемуся, растущему человеку, желания сообщить ему себя в культурном смысле и собой созданное и продуманное, и пережитое, – часто и не рассудочным путём» [13, с. 28]. В последних словах легко усмотреть предвосхищение современной концепции педагогической коммуникации [9].

Вообще, предвосхищение утвердившихся впоследствии плодотворных тенденций в психологической науке и базирующейся на ней практике характерно для научного творчества М.М. Рубинштейна. Приведу несколько цитат.

Цели личности «даются не только раздражениями из внешнего мира и не только внутренними переживаниями, не только идеями и принципами, и всей сферой культурных интересов, но и тем, что личность *самоцель*... С утратой этого свойства “я” или личность перестают существовать... Это та самая черта, которая даёт право говорить о личности-человеке, как о величайшем эгоисте, в лучших, святых своих помыслах стремящемся к себе как самоцели...». О чём это, разве не о самоактуализации личности по Абрахаму Маслоу (который, как мы знаем, обращал внимание, в частности, на трансценденцию дихотомии эгоизма и альтруизма на высоком уровне личностного развития [8])? Нет, это Моисей Рубинштейн, 1927-й год – см. [15, с. 23-24].

«...Смысл и удовлетворение личности лежат в том, что́ сверхлично, в *идейном* порядке, и в этом смысле она неизбежно стремится подняться над самой собой...». Разве это не формулировка принципа самотрансценденции личности – одного из основных в концепции Виктора Франкла? С этим трудно спорить. Только автор приведённых слов – не Франкл, а всё тот же Моисей Рубинштейн [15, с. 187]. Впрочем, представляет немалый интерес продолжение оборванной цитаты: «...но смысл и значение коллективных устремлений в конечном итоге должны уходить в ту же высь, где интересы общества и личности могут найти... всё более гармоничное, взаимно всё более обогащающее отношение. Конечно, ясно начинает это положение вырисовываться только на высоких степенях развития как личности, так и общества» [там же]. От себя замечу, что процесс такого развития протекает весьма неравномерно; отсюда трагическая судьба многих людей, переросших общество в своём развитии.

Продолжу цитирование. «Личность... является единством вполне индивидуального характера разнообразных творческих сил, которые сливаются в ней в единую деятельную силу. Деятельность – это необходимый предикат понятия личности, потому что с его уничтожением исчезает и самая возможность сознавать себя как субъекта известных действий, поступков» [11, с. 35]. Важ-

нейшим объектом приложения «деятельной силы» личности является она сама; «что такое это “я”, личность, это определяется не только тем, что она есть, но в большей мере тем, чем она хочет и стремится быть, чем она *делает* себя» [15, с. 25]. Кто из энтузиастов деятельностного подхода, утверждение которого в советской психологии началось никак не ранее 40-х годов XX века, не подписался бы под приведёнными тезисами как принципиальными для этого подхода? Между тем, сформулировал их М.М. Рубинштейн – соответственно в книгах 1909 и 1927 годов.

Разумеется, я не ставлю под сомнение значимость вкладов в науку (и в культуру в целом), осуществлённых деятелями прошедшего столетия, с чьими именами чаще всего связывают идеи, упомянутые в нескольких предшествующих абзацах. В их трудах эти идеи получили как детальную теоретическую разработку, так и экспериментальное, клиническое и иное эмпирическое обоснование. Точно так же, известен главный исходный источник идей гуманистической направленности, развивавшихся и М.М. Рубинштейном, и С.Л. Рубинштейном, и А.Н. Леонтьевым, и многими другими психологами, в том числе украинскими (Г.С. Костюком, В.А. Роменцом и др.). Этот источник – классическая европейская философия (включая марксистскую философию, но исключая её авантюристические и догматические извращения). В научном наследии М.М. Рубинштейна привлекает прежде всего целостность его концепции в её – теснейшим образом связанных друг с другом – философских, социологических, психологических и педагогических аспектах. Ядром этой концепции, органически соотносящимся с этой её целостностью, служит идея цельной, гармонично развитой личности как идеала, на который должны ориентироваться, в частности, образование и воспитание. Подобная целостность характерна (если говорить о психологии личности) прежде всего для концепций А.Ф. Лазурского и Ф. Лерша, созданных соответственно в начале и в середине XX века (и, подобно концепции М.М. Рубинштейна, явно недооценённых мировым человековедением; детальнее см. [2]). Многие выдвинутые позже (пусть, по-своему, весьма интересные) концепции личности такой целостностью, к сожалению, не обладают (рассматривая развитие науки как объективный процесс и абстрагируясь от степени знакомства учёных с трудами их предшественников из разных стран, можно сказать, что эта целостность была в какой-то мере утрачена). Ныне мы, разрабатывая интегративно-личностный подход в психологии и стремясь учесть новые достижения человековедения, стараемся опереться и на оправдавшие себя интегративные традиции. То, что до сих пор мы не обращались при этом к наследию М.М. Рубинштейна, является, конечно, нашим серьёзным упущением.

В трудах М.М. Рубинштейна чётко обозначены не только отмеченные выше идеи, непосредственно касающиеся категории личности, но и более общие гуманистические принципы, впоследствии получившие широкое общественное признание, – см. обзор таких принципов в [1].

Так, мне весьма импонирует высказывание А.П. Назаретяна: «Оптимизм и пессимизм являются полюсами фаталистического мировоззрения, особенно опасного в кризисные эпохи. Альтернативу составляет мировоззрение *конструктивистское...*» [10, с. 145]. Отмечается, что оно предусматривает преимущественную ориентацию сознания и деятельности на будущее. Применительно к Украине, Лина Костенко говорит об этом так: надо, «чтобы не прошлое формировало современный тип украинца, а чтобы современный украинец был способен формировать будущее» [6, с. 38]. А вот что писал 82 года назад М.М. Рубинштейн: «... одинаково не правы как оптимисты, так и пессимисты, потому что они ставят готовый, фиксированный штамп там, где всё – возможность. Мир не плох и не хорош, но он может становиться и тем и другим в зависимости от характера и путей совершающегося в нём творчества...» [15, с. 121].

Приведу ещё одно удивительно современно звучащее высказывание Моисея Рубинштейна: «...в исторической трилемме – человек, или народ, или человечество – нет правильной постановки вопроса; тут не может быть места “или”, здесь нет взаимно исключающих членов, а есть только их разрастающееся в возможностях сотрудничество. Субъект истории един, но *не единичен...*» [15, с. 189]. И ещё: «Истинное единство может создаться только..., когда все народы в идеале сочетаются не в однородность и полное совпадение, делающее ценным только один экземпляр, а в единстве своеобразного, в котором сохраняется особый характер каждого и открывается возможность живого взаимодействия и солидарности; иначе жизни и действительности у человечества быть не может» [15, с. 184]. Напомню, что это сказано не сегодня и не вчера, а в 1927 году, когда научных обоснований внутреннего разнообразия как условия устойчивости сложных систем ещё не было, а догмы о грядущем слиянии наций и языков ещё владели сознанием очень многих людей, в особенности придерживавшихся левых убеждений.

Наконец, ещё одна цитата из той же книги: «Отказ от уверенности одного культурного мира в своей несравненной правоте – один из важнейших шагов к переходу с передовой в тыл и от тыла – к миру, основанному на диалоге» [15, с. 187]. Во избежание упрощённой трактовки позиции М.М. Рубинштейна следует уточнить, что он вовсе не был безудержным пацифистом. «Плоха, – писал он, – воинственность только нападающая, защитная же воинственность не только не предосудительна, но она должна тщательно воспитываться для службы идеальным ценностям» [15, с. 268]. Таким образом, допустима и даже необходима защитная, т. е. вынужденная, воинственность и конфронтация. Но преимущественной, главенствующей должна быть ориентация не на конфронтацию, а на диалог. Воспользовавшись принятым в юриспруденции термином, можно говорить о *презумпции* ориентации на диалог.

Скажем прямо: в период короткой, по историческим меркам, передышки между мировыми войнами подобная позиция воспринималась подавляющим

большинством социально активных людей – какова бы ни была их идеологическая ориентация – как оторванная от жизни интеллигентщина. М.М. Рубинштейн, разумеется, понимал это, но принципиально отстаивал взгляды, которые считал правильными. Сегодня призывами к диалогу никого не удивишь. В том, что к таким призывам ныне относятся с бóльшим уважением (а иногда даже действуют в соответствии с ними), находит выражение обоснованный А.П. Назаретяном [10] «закон техно-гуманитарного баланса», дающий надежду на выживание человечества (хотя, конечно, не гарантирующий его). Воздадим же должное людям (таким, как Моисей Рубинштейн), которые видели историю в более широкой перспективе, чем остальные, и отваживались информировать последних о своём видении!

Приближаясь к завершению статьи, отмечу, что она не претендует на освещение хотя бы важнейших идей М.М. Рубинштейна. Его педагогические и психологические взгляды я представил крайне фрагментарно. За рамками рассмотрения остались его общефилософская концепция, сравнительная характеристика им науки и философии, его отношение к религии (в мировоззренческом и педагогическом аспектах). Трактовка учёным упомянутых и многих других тем, на мой взгляд, очень интересна – в чём читатель может убедиться, обратившись к его трудам.

Дальнейшее освоение идей М.М. Рубинштейна (в частности, в связи с разработкой рациогуманистической ориентации и интегративно-личностного подхода в психологии) должно идти, конечно, не только вширь, но и вглубь. Надо конкретно разбираться в том, где эти идеи можно непосредственно включить в наши теоретические модели, тем самым обогатив последние, а где указанные модели можно усовершенствовать на основе спора, по тем или иным вопросам, с выдающимся учёным.

Наряду с прочими составляющими научного наследия М.М. Рубинштейна, **овно**, заслуживает внимания (и отдельного детального рассмотрения) его этическая концепция. Здесь я коснусь её по соображениям, так сказать, личного характера. Только что вышла из печати моя статья [3]. Когда я писал её, то, к большому сожалению, ещё не был знаком с работами Моисея Рубинштейна (слышал только, что был такой педагог). Ознакомившись же с ними, я убедился в том, что содержащиеся в статье идеи во многом повторяют те, которые он высказывал очень давно. В частности, опираясь на одну из известных в этике традиций, я говорю в своей статье, что тактическому преимуществу злых стратегий социального поведения (достигаемому благодаря игнорированию моральных ограничений на выбор средств достижения целей) противостоит стратегическое превосходство добра, заключающееся в его сообразности с сущностными закономерностями бытия – сообразности, которой лишено зло. Но если бы я вовремя знал, что писал по этому поводу М.М. Рубинштейн, то, несомненно, привёл бы его слова: «Зло именно тем и отличается, что оно внутренне противоречиво, что оно само губит себя, что оно в конечном итоге противожизнен-

но»; поэтому «вопрос о саморазоблачении для зла всегда есть более или менее вопрос времени» [15, с. 239-240].

Идеи, весьма созвучные тем, которые давным-давно высказывал М.М. Рубинштейн, я обнаруживаю и в других своих работах. Мне, конечно, стыдно, что я так долго не знал его трудов. Но в то же время я горжусь тем, что, как мне кажется, я вправе считать себя последователем Моисея Матвеевича Рубинштейна.

Литература

1. *Балл Г.О.* Принципи сучасного гуманізму та психологія // Горизонты образования (Севастополь). – 2007. – № 3. – С. 7-18.
2. *Балл Г.О.* Інтегративно-особистісний підхід у психології: опрацювання концептуальних засад // Наукові записки Інституту психології ім. Г.С. Костюка АПН України / За ред. С.Д. Максименка. – К.: ВД «ТРОЯ», 2008. – Вип. 36. – С. 51-66.
3. *Балл Г.А.* К проблеме взаимосвязи добра и зла в социальном поведении (рациогуманистический подход) // Журнал практикующего психолога. – 2009. – Вып. 15. – С. 141-156.
4. *Завгородня О.В.* Проблема особистості з позицій інтегративного підходу // Практична психологія та соціальна робота. – 2009. – № 5. – С.
5. *Иванов Д.В.* М.М. Рубинштейн: штрихи к портрету и основным психологическим идеям // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «IV московские встречи», 26 – 29 июня 2006 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – С. 399-404.
6. *Костенко Л.* Україна як жертва і чинник глобалізації катастроф // Освіта і управління. – 2004. – № 2. – С. 30-38.
7. *Максименко С.Д.* Генезис существования личности. – К.: Изд-во ООО «КММ», 2006. – 240 с.
8. *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. – М.: Смысл, 1999. – 425 с.
9. *Мусатов С.О.* Психологія педагогічної комунікації: теоретико-методологічний аналіз. – К.–Рівне: Ліста-М, 2003. –176 с.
10. *Назаретян А.П.* Синергетика, когнитивная психология и гипотеза техногуманитарного баланса // Обществ. науки и современность. – 1999. – № 4. – С. 135-145.
11. *Рубинштейн М.М.* Социализм и индивидуализм. (Идея личности как основа мировоззрения). – М., 1909. – 124 с.
12. *Рубинштейн М.М.* Очерк педагогической психологии в связи с общей педагогикой. – М.: Книгоиздательство К.И. Тихомирова, 1913. – 594 с.
13. *Рубинштейн М.М.* Проблема учителя. – М.-Л.: Московское акционерное издательское общество, 1927. – 176 с.
14. *Рубинштейн М.М.* О смысле жизни. Ч. 1. Историко-критические очерки. – Л.: Издание автора, 1927. – 199 с.
15. *Рубинштейн М.М.* О смысле жизни. Ч. 2. Философия человека. – М.: Издание автора, 1927. – 271 с.
16. *Рубинштейн М.М.* Воспитание читательских интересов у школьников. – М.: Учпедгиз, 1950. – 214 с.
17. *Рубинштейн М.М.* О смысле жизни. Труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу: [В 2 т.] / Под ред. Н.С. Плотникова и К.В. Фараджева. Вст. ст. К.В. Фараджева. – М.: Издат. дом «Территория будущего», 2008. – Т. 1. – 574 с.; Т. 2.

– 373 с.

18. *Фараджев К.В.* Философия и жизнь Моисея Рубинштейна // *Рубинштейн М.М. О смысле жизни.* – М.: Издат. дом «Территория будущего», 2008. – Т. 1. – С. 7-40.